

НАСИЛИЕ ПО-КОРЕЙСКИ

Ким Ки Дук:
"Я гораздо добрее, чем вы думаете"

И вот самый модный сегодня режиссер, выпускающий по два фильма в год — при этом ни одного проходного, каждый по-хорошему удивляет, — запросто, без охраны, инкогнито разгуливает по нашей столице. Забрел даже в Дом кино — посидел полчаса в ресторане, перед открытием фестиваля "Лики любви", сфотографировался с парой узнавших его журналистов, выпил маленькую чашечку кофе и так же внезапно исчез.

(Окончание на 6-й стр.)

С 1-й стр.

Он вообще как кошка — вот он есть, вот его нет. Только что говорил, как ему приятно давать это интервью, и, пока мы раскланивались с переводчиком (Ким Ки Дук говорит только по-корейски, утверждает, что не способен к языкам), раз — и его нет. И переводчик уже бежит искать его на улице. Ким Ки Дук очень любит гулять по Москве. А вот с чего началось наше эксклюзивное интервью, щедро длившееся два часа:

— В одном из интервью после премьеры "Самаритянки" вы сказали, что из всех героев фильма вам ближе мужчины, покупающие тело школьницы-проститутки. Мол, 80% корейских мужчин мечтают о том же, и потому вы вполне могли бы оказаться на их месте. Вы заявили это, чтобы эпатировать публику?

— Что такое эпатировать?

— Ну шокировать.

— Да нет, просто, когда я начал снимать фильм, я подумал о том, что если бы оказался на месте этих мужчин, то мог бы вести себя точно так же. (Он удивительно, не по-русски, не по-американски, не по-режиссерски, искренен. — Е.С.-А.) Конечно, детская проституция — явление отрицательное, и я так же к нему отношусь. Но в последнее время что в Японии, что в Корее оно стало очень распространено и превратилось в большую проблему, на которую все же можно посмотреть по-разному. В "Самаритянке" есть три взгляда. Самой девочки-проститутки, погибшей во время облавы, — она выпрыгнула из окна отеля. Ей кажется, что в этом нет ничего такого. Потом ее подружки, которая решила переспать с теми же клиентами, что и умершая, и вернуть им деньги, которые они ей платили. Ей кажется, что так она "отмотает время назад" и "исправит" ошибку, вымолит прощение для мертвой приятельницы. И третья точка зрения — отца подружки-самаритянки, для которого это трагедия. И все три взгляда имеют право на существование. Конечно, это явление уголовно наказуемое, но через кино я могу показать и другие грани этой проблемы: и тех, кто пострадал, и тех, кто воспользовался этой ситуацией.

— В ваших фильмах часто сильны религиозные мотивы. Это связано с вашим воспитанием?

— Я кореец, и воспитание мое буддийское, хотя в нем были и христианские мотивы. Но, скажем, фильм "Весна, лето, осень, зима... и снова весна" не столько о буддизме, а о том, как человек проживает свою жизнь — независимо от той религии, которую он исповедует. Хотя я считаю, что в основе роста человеческого — именно буддизм. Но настоящая религия

КИНО

НАСИЛИЕ ПО-КОРЕЙСКИ

— это жизнь, она должна помогать слабым духом и телом, а не давить.

— В фильме "Весна, лето..." вы сыграли героя в зрелости, который назначает себе серьезное наказание за грехи. Что вы сами искупали, когда обвязали себя веревкой, на другом конце которой укрепили тяжеленный камень, в руки взяли статую Будды и так взобрались на высокую гору? Вы же все это сделали в кадре по-настоящему — с кровавыми мозолями.

Ким Ки Дук широко улыбается:

— Я хотел показать, что прожить жизнь очень тяжело — как втащить на гору тяжелую статую, да еще с увесистым камнем, который тянет назад. Я полагаю, что все — от мала до велика — несут в своей жизни свой камень. Почему я сам сыграл? А вы помните, когда герой возвращается в плавучий монастырь на озере, стоит зима, вода замерзла, и он идет к нему по льду (в другое время он и не добрался бы — лодки-то уже нет). Сначала я хотел, чтобы актер снялся, но по разным причинам он не смог, а время упустить было нельзя — лед бы растаял, ну и пришлось самому.

— 2 апреля "Весна, лето..." выходит в американском прокате. Как вы относитесь к Голливуду, к "Оскару"?

— Я считаю, что Голливуд — просто предприятие, которое гонит кино, чтобы получить наибольшую прибыль. А "оскаровские" академики не могут даже себе представить, что снимают во всем мире. Для меня же самой большой наградой будет, если кто-то в какой-либо стране получит такое впечатление, чтобы пронзило сердце, и тогда я буду счастлив. За 8 лет я снял в Корее 10 фильмов, но на родине немного людей признают мои фильмы. И мне приятно, что в Европе, у вас, в России, никто не обращает внимания на то, из-за чего меня не любят в Корее, — на мое происхождение, образование.

— Вы как-то сказали, что хотели бы снять фильм в России или с русскими актерами...

— Задумки есть, но пока ничего конкретного. В Корее много девушек из России танцуют стриптиз на военных американских базах. Во время съемок фильма "Адрес неизвестен" я познакомился с одной вашей олимпийской чемпионкой, которая там зарабатывала, и предложил ей сыграть в моем фильме, но она отказалась, потому что сказала, что ее лицо очень известно. У нее очень печальная история. И если с кем сейчас и встречаются американские солдаты, это с русскими девушками.

— А как ее звали?

— Ну я не помню. (Улыбается во весь рот с белыми идеальными зубами, явно давая по-

нять, что просто не хочет выдавать тайну чемпионки. — Е.С.-А.) Кажется, она легкоатлетка или гимнастка. Я даже хотел снять фильм о таких девушках, танцующих в казармах, но подумал, что в России обидятся.

— Это правда, что в герое фильма "Адрес неизвестен" — юном подмастерье художника, которого бьют, унижают, отбирают деньги, любимая девушка изменяет ему с американским солдатом — много из вашей судьбы?

— Он — это я, один к одному. Мой отец тоже воевал с Северной Кореей, тоже был ранен, тоже получал боевые награды и тоже был психологически надломлен и так же срывал злобу на мне — бил меня. Когда я в прошлый раз был здесь летом, я видел много пожилых людей с медалями и с печальными лицами. Я думаю, на них война так же повлияла, как на моего отца, и они так же никому не нужны.

— В ваших фильмах много насилия, а вы сами способны на насилие?

— Неужели я так выгляжу? Я на самом деле гораздо добрее, чем вы можете подумать. Когда я пишу сценарии, я усиливаю сцены насилия, а когда снимаю — наоборот. И я слежу, чтобы актеры не пострадали, не поранились — за всеми опасными моментами я особенно наблюдаю. И то, что вам кажется опасным, на самом деле — искусные трюки. И животные в моих фильмах тоже не страдали. Когда в фильме "Адрес неизвестен" бьют собаку, я не показываю это близко — только как заносят палку, а потом — издали, ну вы догадываетесь...

— В Берлине вы сказали, что недавно поняли, что надо реже снимать кино и больше заниматься собой — развивать свое тело, построить дом.

— Когда я снимаю фильм, это большой стресс. И чтобы снять его, я хотел бы завести огород, чтобы выращивать там своими руками овощи и кормить ими свою семью — жену и дочь. Во мне всегда борются два желания — снимать кино и быть ближе к природе. Иной раз мне кажется, что, если я хочу скоро умереть, мне нужно прекратить делать кино. А иногда — что если я не буду создавать фильмы, то проживу долго. (Ким Ки Дуку — 44 года, которые ему ни за что не дашь. — Е.С.-А.) Вот и сейчас я думаю: начать снимать новый фильм или построить дом. Я сам строю — без помощников, мне очень нравится. Первый получился не очень большим — я его, кстати, снял в "Самаритянке", и теперь я очень хочу построить еще.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.

P.S. Полную версию интервью читайте в одном из ближайших номеров "МК-Бульвара".

Моск. киноком. — 2004 — 10 марта — с. 16

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО